

УДК 342(470+571)(075.8)
ББК 67.400(2Рос)я73
С83

Председатель редакционного совета сборника:
проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор
В. Н. Сеников

Редакционная коллегия:
зав. кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юри-
дических наук, профессор В. В. Комарова; зав. кафедрой международного
частного права, профессор, доктор юридических наук Г. К. Дмитриева; до-
цент кафедры международного частного права, кандидат юридических наук
М. В. Мажорина; доцент кафедры интеграционного и европейского права,
кандидат юридических наук В. Ю. Слепак; старший преподаватель кафедры
международного права, кандидат юридических наук О. И. Ильинская; пре-
подаватель кафедры конституционного и муниципального права, кандидат
юридических наук С. С. Занкин

С83 Стратегия национального развития и задачи российской юриди-
ческой науки : сб. докладов Международной научно-практической
конференции, секций конституционного и муниципального права,
международного права, интеграционного и европейского права, меж-
дународного частного права (Москва, 24 ноября — 3 декабря 2015 г.). —
Москва : Проспект, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-392-21177-7

24 ноября — 3 декабря 2015 г. в Московском государственном юридическом
университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и в Московском государствен-
ном университете имени М.В. Ломоносова состоялась Международная науч-
но-практическая конференция «Стратегия национального развития и задачи
российской юридической науки». В сборник включены доклады, подготовлен-
ные для заседаний секций, проводившихся в рамках конференции. Материалы
представлены учеными из разных городов России, а также из других стран.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспи-
рантов, студентов юридических вузов и факультетов. Сборник также представ-
ляет интерес для руководителей органов государственной власти и местного са-
моуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

УДК 342(470+571)(075.8)
ББК 67.400(2Рос)я73

© Коллектив авторов, 2016
© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016
© Оформление. ООО «Проспект», 2016

ISBN 978-5-392-21177-7

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

МОСКОВСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НЕДЕЛЯ

Международная
научно-практическая конференция

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

СЕКЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО
И ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

СБОРНИК ДОКЛАДОВ



ПРОСПЕКТ

Москва
2016

статусу и реальному влиянию на мировой порядок международных организаций в противодействии мировым угрозам. Накопленный годами их совместный опыт по защите прав человека в ситуациях вооруженных конфликтов является весьма убедительным для обоснования концепции *их тесного взаимодействия во имя обеспечения гуманитарной безопасности*. Представляется, что развитие подобных идей с учетом особенностей развития современных международных отношений должно занять должное место в отечественной юридической науке.

Международно-правовая квалификация вооруженного конфликта: актуальные вопросы судебной практики

Машкова Е. В.,
ассистент кафедры международного права
МГУ им. М. В. Ломоносова

Балабанов И. Д.,
магистрант кафедры международного права
МГУ им. М. В. Ломоносова

Современные вооруженные конфликты обладают рядом особенностей, так стратегия их ведения приводит к стиранию существующей разделительной линии между теми, кто сражается, и теми, кто «наблюдают и оплачивают счета»¹. Более того международное сообщество сталкивается с проблемой жестокого отношения к гражданскому населению, уничтожению культурных ценностей и незаконной экспроприации собственности. Так же ситуация вооруженного конфликта во многих случаях связана с проблематикой отделиении части территории государства, однако, по нашему мнению, реализация права территории на обретение самостоятельности должна быть поставлена в строгую зависимость от соблюдения императивных принципов международного права, в частности, принципа территориальной целостности и принципа защиты и уважения прав человека.

Роль права, которое формирует Европейский Суд по правам человека, заключается не только в толковании положений, закрепленных в Европейской Конвенцией, но и в возможности адаптации положений Конвенции к новым вопросам и проблемам, возникающим и существующим в современном мире, наличие которых не предполагалось при разработке Конвенции². Иными словами, в практике Европейского Суда эволюционизм подтверждается формированием и реализацией двух доктрин: «margin of appreciation» («доктрина усмотрения») и «autonomous concepts» («автономные понятия»).

В практике Страсбургского Суда сформировались такие понятия как «action overseas» («действия вне территории»), под которым следует понимать то, что го-

¹ Мартин Ван Крефельд «Трансформация войны» М. 2005. С.303.

² Жан Поль Коста, эксклюзивное интервью Председателя Суда по правам человека Жан Поля Коста // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2007. № 5(14). С.6.

сударства-участники Европейской конвенции берут на себя обязательство (ст. 1 Конвенции) по обеспечению прав и свобод всем лицам в пределах своей юрисдикции, независимо от того, происходит ли это в пределах ее международно признанных границ или границ, признанных Конституцией, и независимо от наличия каких-либо правовых оснований для действий в каком-либо месте, и понятие «espace juridique» («правовое пространство»), которое применяется Судом для обозначения сферы распространения компетенции государств-участников и, которое устанавливает границы, в пределах которых существуют обязательства государств по обеспечению прав и свобод, предусмотренных Европейской Конвенцией¹.

Так, в деле Луизиду Суд определил «эффективный контроль», как ситуацию, в которой официальные представители государства-члена осуществляют в отношении лиц или имущества, находящихся за пределами его национальных границ, весь объем официальных полномочий либо их часть, являющихся исключительно государственными и, что согласно его установившейся практике, понятие «юрисдикция» определяемое в ст. 1 Конвенции не ограничивается государственными территориями Договаривающихся Сторон. А так же Суд обязал государство-участника Конвенции, осуществляющего данный контроль, обеспечивать на контролируемой территории права, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней².

В деле Кипр против Турции Суд расширил данное определение «эффективного контроля» и подчеркнул, что в соответствии с принципами международного права, регулируемыми ответственность государств, ответственность может также возникнуть в результате ведения или поддержки вооруженных действий, при этом не имеет значения являются ли данные действия законными или нет, и осуществляются ли такие действия напрямую или через свои вооруженные силы или через подконтрольную местную администрацию³.

Еще более развернутое понятие «эффективного контроля» на сегодняшний день дано Судом в Решении по делу Чигаров и другие против Армении. В частности, суд привел следующие аргументы в подтверждение осуществления Арменией эффективного контроля над территорией Нагорного Карабаха: едва ли можно себе представить, что Нагорный Карабах, территория с населением менее 150 000 этнических армян, был в состоянии, без существенной военной поддержки со стороны Армении, создать силы обороны в 1992 г. против Азербайджана, государства с населением около 7 миллионов человек, и не только установить контроль над территорией бывшего НКАО, но и подчинить 7 прилегающих районов Азербайджана⁴; военное вовлечение Армении в дела Нагорного Карабаха было зафиксировано в июне 1994 г. в «Соглашении о военном сотрудничестве между Правительством Республики Армения и Республикой Нагорного Карабаха», содержащего положение о том, что военнослужащие Армении и Нагорного Карабаха могут проходить военную службу в войсках любой из этих двух «стран»⁵; и более того, финансовая поддержка, предоставленная Арменией Нагорному Карабаху, как это отмечалось в докладе International Crisis Group показывает, что в 2005 г. бюджет Нагорного Карабаха только на 26,7%

¹ Key Concepts of European Convention on Human Rights, Council Of Europe. P. 17.

² Case of Loizidou v. Turkey, 1998.

³ Case of Cyprus v. Turkey, 2001.

⁴ Case of Chigarov and Others v. Armenia, par. 174, 2015.

⁵ Case of Chigarov and Others v. Armenia, par. 175, 2015.

покрывался средствами самого Карабаха, при этом межгосударственный кредит, предоставленный Арменией в 2004–2005 гг. Нагорному Карабаху, составлял 51 000 000, остался невозвращенным¹.

Анализ вышеуказанных дел приобретает особо актуальное значение в свете событий, происходящих в Крыму и на юго-востоке Украины преимущественно с начала сентября 2014 г. В частности, украинские власти указывают на то, что российские власти осуществляют «эффективный контроль» над территорией Крыма и «фактический контроль» над Донецкой и Луганской областями посредством контролирования сепаратистов и вооруженных групп.

В свете перспективы ожидаемых решений по жалобам Украины против России следует также в рамках дел, относящихся к военному присутствию, политической поддержке и экономическому влиянию проанализировать уже рассмотренные Судом дела и вынесенные решения в отношении России:

В деле Илашку против Молдовы и России Суд признал ответственность России, которая осуществляет общий контроль над территорией, расположенной за пределами своей национальной территории, а также то, что действия России не ограничиваются действиями своих солдат или должностных лиц в данном районе, но также распространяются на действия местной администрации, которая «выживает» там только благодаря военной и иной поддержке². Так же Суд отметил, что будучи провозглашенной суверенной своим парламентом 23 июня 1990 г., и став независимой 27 августа 1991 г. и впоследствии признанной в качестве таковой международным сообществом, Республика Молдова столкнулась с сепаратистским движением в регионе Приднестровья. Это движение усилилось в декабре 1991 г. с организацией местных выборов, которые были объявлены незаконными Молдавскими властями, а в конце 1991 г., разразилась гражданская война между силами Республики Молдовы и Приднестровскими сепаратистами, которые активно поддерживались, по крайней мере, некоторыми из солдат 14-й российской армии³. Руководствуясь вышеизложенным, Суд считает, что правительство Молдовы, единственное законное Правительство Республики в соответствии с международным правом, которое однако не имело власти над частью территории Молдовы, а именно над частью, которая находится под эффективным контролем «Приднестровской Молдавской Республики»⁴.

Далее в деле Катан против Молдавии и России Судом было отмечено, что «Приднестровская Молдавская Республика» была создана в результате российской военной помощи, и что, таким образом Россия продолжает военную поддержку сепаратистов. Кроме того, население Приднестровья получало бесплатные или высоко субсидируемые поставки газа, а также пенсии и другие виды материальной помощи со стороны России⁵.

В отношении России Судом были рассмотрены еще 2 дела, поданные заявителями в связи с конфликтом в рассматриваемом регионе: Писари против

¹ Case of Chigarov and Others v. Armenia, par. 183, 2015.

² Ukraine v. Russian Federation 49537/14 от 09 июля 2014 г.

³ Ilaşcu and others v. Moldova and Russia, par. 392, 2004.

⁴ Ilaşcu and others v. Moldova and Russia, par. 325, 2004.

⁵ Ilaşcu and others v. Moldova and Russia, par. 330, 2004.

⁶ Catan and others v. Moldova and Russia, 2012.

Молдавии и России¹, и Ивенточ против Молдавии и России², в которых Суд так же указал на то, что одним из обстоятельств, обусловивших подачу заявления, являются вооруженный конфликт в Приднестровье, и при вынесении решения опирался на выводы, сделанные в делах Илашку и другие против Молдавии и России, и Катан против Молдавии и России.

Отдельного внимания, в свете поданной Украиной жалобы против России, заслуживает вопрос международно-правовой защиты права собственности в условиях вооруженного конфликта.

Так, в деле Луизиду против Турции Суд отметил, что у заявителя не было и нет на момент вынесения решения доступа на Северную часть Кипра, что явилось следствием присутствия турецких вооруженных сил на Кипре. Турция осуществляет полный контроль на данной территории, что и повлекло за собой отказ в доступе к собственности со стороны властей Турции и потере контроля над собственностью заявителем. В частности, начиная с 1974 г. заявитель не только не имел доступа к собственности, фактически потеряла весь контроль над ней, но и не имела возможности осуществить право пользования и право извлекать прибыль. По мнению Суда непрерывный отказ в доступе к собственности должен расцениваться как вмешательство в право на мирное владение собственностью по смыслу ст. 1 Протокола 1³.

Далее в деле Кипр против Турции 2001 г., по межгосударственной жалобе⁴, в котором было вынесено решение по существу, и деле 2014г. в котором был определен размер компенсации в объеме 90 миллионов евро за последствия военной оккупации Северной части острова, в качестве сатисфакции Кипру, и за нарушения прав человека на территории Турецкой Республики Северного Кипра⁵, Суд в частности сказал: характер предполагаемого вмешательства в имущественные права перемещенных греков-киприотов был, в сущности, таким же, как вмешательство, на которое уже была подана жалоба госпожи Луизиду, разница лишь в том, что вышерассмотренное дело касалось только одного конкретного случая, при этом выводы, сделанные Судом в пунктах 63–64 дела Луизиду, должны так же применяться и в данном деле Кипр против Турции.

Так же в одном из последних, рассмотренных Судом дел Чигаров и другие против Армении, Суд еще раз определил понятие «имущество» на основании ст. 1 Протокола 1 Конвенции, в частности Суд сказал, что «имущество» имеет автономное значение, не ограничивающееся правом собственности на товары и не зависит от формальной классификации обозначенной во внутреннем национальном праве государства, что еще раз подчеркивает позицию Суда в свете формирования автономных понятий толкования положений Конвенции. При этом Суд отдельно указал, что наравне с товарами, и иными материальными активами, имуществом считаются так же и имущественные права; при этом понятие имущество распространяется и на нематериальные активы, включая права требования, в отношении которых заявитель имеет «законные ожидания»⁶.

¹ Pisari v. Moldova and Russia, 2015.

² Ivantoc and others v. Moldova and Russia, 2012.

³ Case of Loizidou v. Turkey, par. 63, 1998.

⁴ Case of Cyprus v. Turkey, 2001.

⁵ Case of Cyprus v. Turkey, 2014.

⁶ Case of Chigarov and Others v. Armenia, par. 132, 2015.

Более того, Суд отдельно оговаривает ситуацию и определяет подход в отношении предоставленных доказательств, который, на наш взгляд, является «гибким» инструментом. По мнению Суда, достаточным доказательством, которое должно быть представлено заявителем, утверждающим, что произошла потеря имущества, в частности речь идет о жилище в ситуациях международного или внутреннего вооруженного конфликта, является технический паспорт, как официальный документ, содержащий: чертежи дома, размеры и количество комнат, а так же придомовых земельных участков¹.

На основании вышеизложенного авторы приходят к ряду выводов:

- Понятие «эффективного контроля» не только сформировалось в практике Европейского Суда по правам человека, но и продолжает расширяться, в связи с новыми обстоятельствами, вызванными ситуациями военного присутствия, политической поддержки и экономического влияния одного государства на территории другого государства.
- В делах Илашку и другие против Молдовы и России и Чигаров и другие против Армении Европейский Суд отдельно отметил, что как Россия, так и Армения, осуществляли эффективный контроль территории посредством решающего влияния на администрацию Приднестровья и Нагорного Карабаха.
- Нарушение права собственности, в условиях вооруженного конфликта, связано, в большинстве случаев с военным присутствием, и, соответственно, с отказом физическим лицам в непосредственном доступе к их собственности. Краеугольным решением на сегодняшний момент по толкованию вопросов защиты права собственности в ситуации военного присутствия, политического влияния и экономической поддержки является делу Луизиду против Турции, вынесенное в 1998 г., а также определенная детализация вопросов, связанных с проблемой доказывания, была дана в деле Чигаров и другие против Армении, вынесенного в 2015.

Основные тенденции криминализации терроризма в судах международной уголовной юрисдикции

Чернядьева Н. А.,
к. ю. н., доцент Пермского государственного
национального исследовательского университета

В связи с последними международно-правовыми событиями (борьба с ИГИЛ в Сирии, теракты в Египте, Ираке, Турции, Франции и т. д.) становится особенно актуальной и злободневной идея специальных судебных институтов для привлечения к ответственности и осуждения международных террористических организаций и их участников.

¹ Case of Chigarov and Others v. Armenia, par. 133, 2015.